

ВЕЛИКИЙ русский писатель А. П. Чехов жил и творил в эпоху, когда в стране утвердился капитализм, который начал переходить в свою последнюю — империалистическую стадию. Либеральные народники втаптывали в грязь идеалы революционного народничества, они звали массы крестьянства на примирение с его классовыми врагами — помещиками и живогло-тами.

ЧЕХОВ И КРЕСТЬЯНСТВО

хочется» и других созданы яркие образы крестьян и крестьянок, страдающих, угнетенных,

Но в России в ту пору народничеству была противопоставлена идеология рабочего класса — марксизм, который все шире и глубже распространялся среди трудящихся и опирался на растущее рабочее движение. Под руководством социал-демократов-ленинцев и в союзе с крестьянскими массами пролетариат вступил на путь борьбы с самодержавием и капиталистами.

Литература в те предреволюционные годы отразила разлом, происходивший в русской действительности, особенно в деревне. Л. Н. Толстой вывел в литературе, по выражению Ленина, «подлинных мужиков». Русскую деревню со всеми ее противоречиями и страданиями показал в своем творчестве и А. П. Чехов.

Напрасно раньше считали, что А. П. Чехов изображал главным образом интеллигенцию, чиновников, мелких городских людей. Чехов, как писатель демократического, прогрессивного направления, отразил в своем творчестве всю жизнь России.

В одном из писем А. П. Чехов писал: «Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле».

Процессы общественно-экономического развития России, проникновение капитализма даже в самые глухие углы деревни, обнищание крестьянских масс, а также рост кулацкой верхушки, усиление капиталистической эксплуатации, наряду с уродливыми и кошмарными остатками крепостнического гнета, беспомощность интеллигенции, ищущей спасения от наступающего на нее капитализма, — вот что рисует в художественных образах своих произведений Чехов.

Чехову принадлежит немало рассказов, повестей, пьес, где он дает зарисовки деревенской жизни. Ему в основном была чужда народническая реакционная идеализация крестьянства, как и был чужд, за немногим исключением, толстовский утопизм. Чехову, как художнику, в общем удалось показать классовый антагонизм в современной ему деревне. Только в отдельных его произведениях (например, в рассказе «Новая дача») классовые противоречия в крестьянстве были затуманены.

Помещики, отъявленные крепостники и «сладкие» либералы, деревенские врачи, учительницы, нищие, заданные нуждой бедняки, жиреющие мельники, торговцы, кулаки — таковы герои чеховских произведений, посвященных деревне.

«А деревня такая же, какая еще при Юрике была, нисколько не изменилась. Те же печенки и половцы», — сказал врач Соболев в рассказе «Жена». В другом месте у Чехо-

ва можно прочитать те же самые слова о неизменяемости деревни со времен Юрика.

Крепостничество и самодержавие, которое душило крестьянство в течение многих веков, и после 1861 года не выпускало своих острых когтей из живого тела народа. Эту тягостную и особенно мрачную сторону жизни хорошо подметил Чехов.

В рассказе «За яблочки» помещик беззастенчиво и подло издевался над крестьянами, порол их, не считая за людей.

«Это для вас ново? Но есть люди и места, для которых это обыденно и старо, как телега», — пишет в этом рассказе Чехов, указывая на то, что такой помещик — совсем не исключение, что такие помещики рассеяны по всей стране.

И Чехов дает в том же рассказе замечательную оценку крепостнику-помещику:

«Если бы сей свет не был сим светом, а называл бы вещи настоящим их именем, то Трифона Семеновича звали бы не Трифоном Семеновичем, а иначе; звали бы его так, как зовут вообще лошадей да коров. Говоря откровенно, Трифон Семенович — поряточная-таки скотина».

Несколько другую картину дает Чехов при описании помещиков-либералов, приспособившихся к капитализму и старающихся при этом не потерять своих привилегий. Они, как это показано в рассказе «Жена», как будто нисходят даже до того, что начинают помогать голодающим крестьянам. В деревне, где жил либерал, было «тихо, неподвижно, безжизненно, скучно», был голод.

Беспощадно эксплуатировать крестьянство и заниматься в то же время грошовою благотворительностью было исключительно гнусно и лицемерно. Врач Соболев вполне прав, с точки зрения откровенного буржуа, заметил скучающему либералу:

«Пока наши отношения к народу будут носить характер обычной благотворительности, как в детских приютах или инвалидных домах, до тех пор мы будем хитрить, вилать, обманывать себя и больше ничего. Отношения наши должны быть деловые, основанные на расчете».

Что это за «деловые отношения», что это за «расчет», прекрасно показано Чеховым при изображении российских Разуваевых и Колупаевых. В деревне налицо капиталистическая эксплуатация со стороны «чумах», сельской буржуазии. Крестьянская беднота, огромная масса сельского населения терпит от нее нужду и обиды.

«Купец разжирел», — сообщает один из сплавщиков леса в рассказе «На реке».

«Если такой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тут уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать», — говорит маляр в повести «Моя жизнь».

В рассказе «Кабатчик» Чеховым показано, как разбогател бывший крепостной мужичок, овладевший да-

же имением своего барина. Капитализм разрушал деревенские устои. Если, с одной стороны, Чехов писал, что деревня неподвижна со времен Юрика, что было верно, если иметь в виду остатки крепостничества, то также было верно и то, что деревня теряла свой патриархальный характер, что в ней происходили серьезные социальные изменения.

«Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка». (Ленин).

В рассказе «Свирель» Чехов выводит пастуха Луку Бедного, который жалуется на то, что мир изменился, что жизнь стала другая. С этим вполне был согласен приказчик Мелитон, который говорил: «И жить хуже стало, дел. Совсем не могу жить. Неурожай, бедность... Падежи то и дело, болезни... Одоле-ла нужда».

В деревне царствовал произвол, крестьянин был в кабале у богатых, как муха в тенетах паука.

Писатель дает жестокую, уничтожающую, но глубоко верную характеристику кулакам, живоглотам, высасывающим все соки из крестьянской бедноты. В рассказе «Кулачье гнездо» он показывает, что деревенский богатей уже привык буквально все расценивать на деньги: «За деньги — все можно» — такова в этом рассказе философия Федорова.

— А солдовья у вас поют? — спрашивает девочка.

— Намедни за рекой пел один, да сынишка мой поймал, трактирщику продал».

В «Вишневом саде» рубят рошу, а здесь уничтожают из-за наживы солдовьев.

Страшно представить себе фигуру мельника Бирюкова (в рассказе «На мельнице»). Его мать — старуха, больная, голодная, едва дотащишься к нему, пройдя немало верст, пришла к сыну с лаской, с любовью. «Ну, зачем вы пришли?» — говорит ей негодяй Бирюков. «Поглядеть на тебя пришла», — виновато отвечает мать. И она вынуждена заявить своему сыну-кулаку: «Всем ты у меня хорош: и умен, и красавец, и из купцов купец, но не похож ты на настоящего человека!».

Повесть «В овраге» дает незабываемую картину жизни и быта деревенского кровососа Цыбукина.

Описывая свадьбу у Цыбукина, Чехов пишет:

«Зашло солнце, а обед продолжался, уже не понимали, что ели, что пили, нельзя было расслышать, что говорят, и только изредка, когда затихала музыка, ясно слышно, как на дворе кричала какая-то баба: «Насосались нашей крови, ироды, нет на вас погибели»».

У Чехова много страниц посвящено описанию забитости, бедности, голода, темноты крестьянских масс, особенно бедноты.

В рассказах «Злоумышленник», «Горе», «Скорая помощь», «Спать

озлобленных и бессильных. Какой же исход из этой бедноты, из этого беспробудного мрака для миллионов трудящихся?

Чехов не дает ответа на этот вопрос. Он сам не видит выхода, не видит его в революции, он не видит того, что рабочее движение растет, что рабочий класс становится во главе освободительного движения. Но он все же глубоко верит, что так, как было и как есть, не будет, что жизнь будет иной.

«Какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда ужасная, безысходная нужда, от которой нигде не спрячешься», — говорит Чехов в «Мужиках».

Но нельзя представлять себе Чехова лишь как мечтателя. Только бессилие найти спасительный, настоящий выход из нужды для огромной массы трудящихся делало иногда Чехова таким.

В рассказе «Воры» Чехов словами фельдшера говорит озорно и бунтующе: «Ах, вскочить бы на лошадь, не спрашивая, чья она, носиться бы чертом впергонку с ветром по полям, лесам и оврагам».

Чехов грезил о человеческом счастье, о счастье для народа, для тружеников, для крестьян. В рассказе «Счастье» пастухи говорят о кладах, зарытых в курганах. «Есть счастье, а что с него толку, если оно в земле зарыто?».

Доктор в повести Чехова «Моя жизнь» говорит:

«Начало Руси было в 862 году, а начала культурной Руси, я так понимаю, еще не было».

Чехов правильно изображал классовые противоречия в русской деревне, не понимая настоящего смысла и характера классовой борьбы. Но нарастание революции в России, рост рабочего движения, а в связи с ним и рост крестьянского движения оказывали влияние на Чехова. Чехов предчувствовал нарастающую социальную бурю. Словами Тузенбаха (в «Трех сестрах») он говорил:

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушные, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Революция пришла. Она под руководством Коммунистической партии, во главе с Лениным, победила, она изгнала помещиков и капиталистов, а в дальнейшем ликвидировала последний капиталистический класс кулаков-кровососов, о которых красочно и справедливо писал Чехов.

Настоящая культурная жизнь народа началась у нас, в нашей стране только после победы Октябрьской социалистической революции. Счастье открыто для всех трудящихся, строящих коммунизм, создающих красивую, зажиточную, культурную и радостную жизнь.

Н. ДОБРОТВОР,
доктор исторических наук